

ПРОБЛЕМА ПАДЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ

(К итогам дискуссии)

Проблема падения рабовладельческого строя и генезиса феодальной социально-экономической формации принадлежит к числу ведущих по своему научно-теоретическому значению проблем советской исторической науки. Не случайно статья Е. М. Штаерман (ВДИ, 1953, № 2), представляющая собой попытку исследования данной проблемы, была с большим интересом встречена нашей научной общественностью. Ряд историков-античников и медиевистов приняли участие в развернувшемся на страницах ВДИ обсуждении ряда вопросов, связанных с этой проблемой.

Дискуссия показала, что между нашими исследователями существуют серьезные разногласия в вопросе о степени разложения рабовладельческих отношений и развития феодализма в период поздней Римской империи. В связи с этим оказался в значительной мере дискуссионным и вопрос о социальной сущности тех процессов, которые привели к гибели Западной империи.

По мнению Е. М. Штаерман, с IV в. «уже нельзя говорить о существовании рабовладельческой формации» (ВДИ, 1953, № 2, стр. 79). Однако далее автор пишет, что ранне-феодальные отношения установились лишь после начавшегося в IV в. переходного периода, наполненного «борьбой с пережитками рабовладения». Фактически статья не дает ясного определения производственных отношений, преобладавших в Римской империи с IV в., что обусловило нечеткость ее выводов.

Эта точка зрения, более последовательно, но и несколько упрощенно проведена в статье Е. Э. Липшиц. По ее мнению, с IV столетия «мы имеем дело уже с развитием, происходящим в рамках складывающейся феодальной формации» (ВДИ, 1955, № 4, стр. 64).

В статьях А. Р. Корсунского и А. Г. Гемпа (ВДИ, 1954, № 2 и 4), посвященных изучению положения различных категорий непосредственных производителей в поздней империи, проводится мысль о значительной роли в этот период рабовладельческой собственности и рабовладельческих производственных отношений. Авторы этих статей выступают против вывода Е. М. Штаерман, что рабовладельческая собственность существует в этот период лишь как «пережиток». В значительной мере к этому выводу примыкает и С. И. Ковалев, который рассматривает общество поздней империи как рабовладельческое (ВДИ, 1954, № 3, стр. 42). По мнению А. П. Каждана, также «нет достаточных оснований для предположения, будто бы рабство уже в III в. ... перестало быть основой производства» (ВДИ, 1953, № 3, стр. 88). З. В. Удальцова на основании изучения положения непосредственных производителей в Италии VI века —

уже после гибели Римской империи — приходит к выводу, что еще и в этот период имеет место борьба двух тенденций социально-экономического развития — рабовладельческой и феодальной (ВДИ, 1955, № 3, стр. 116).

Те участники дискуссии, которые в той или иной форме выступают против Е. М. Штаерман по вопросу о гибели рабовладельческой формации к началу IV в., вместе с тем, как правило, не отрицают, что в поздней Римской империи имел место генезис феодальных производственных отношений. По мнению А. Р. Корсунского, «процесс зарождения феодальных производственных отношений в недрах римского рабовладельческого общества сказывался на изменении положения различных разрядов земледельческого населения» (ВДИ, 1954, № 2, стр. 68). А. Г. Гемп пишет о зарождении новых производственных отношений в период поздней империи (ВДИ, 1954, № 4, стр. 75). А. П. Каждан считает, что в этот период, благодаря укреплению мелкого самостоятельного хозяйства, сложились экономические предпосылки для образования феодальной собственности (ВДИ, 1953, № 3, стр. 103—105). К этой же точке зрения, повидимому, присоединяется С. И. Ковалев, когда он пишет о «появлении предпосылок феодального способа производства» в результате развития «мелкого, фактически самостоятельного хозяйства колоннов и квазиколоннов» (ВДИ, 1954, № 3, стр. 41—42).

Выводам этих исследователей, при всем различии их точек зрения по ряду вопросов, общо положение о развитии элементов феодальных производственных отношений в недрах рабовладельческого строя Римской империи. Мы можем, таким образом, констатировать совпадение взглядов подавляющего большинства участников дискуссии по основному вопросу, связанному с падением рабовладельческого строя.

Дискуссия о падении рабовладельческого строя, бесспорно, отразила определенные достижения советских ученых в деле марксистской разработки истории Римской империи. В ряде статей, опубликованных в ходе дискуссии, проведено глубокое исследование кризиса рабовладельческого строя, многих важных сторон социально-экономических отношений поздней империи. Научные итоги дискуссии позволяют внести большую ясность в некоторые вопросы, связанные с проблемой перехода от рабовладельческой формации к феодальной.

Как убедительно показано в статьях А. П. Каждана и С. И. Ковалева, развитие производительных сил приводило к тому, что мелкое самостоятельное производство превращалось в единственно выгодную форму земледелия (ВДИ, 1953, № 3, стр. 80—84; 1954, № 3, стр. 36 сл.).

Можно признать вполне доказанным положение, что общий кризис рабовладельческого строя в Римской империи начался со второй половины II в. Эта точка зрения не вызвала возражений со стороны участников дискуссии. Весьма удачной может быть признана разработка Е. М. Штаерман вопроса о рабовладельческой вилле, как наиболее целесообразной форме хозяйства в условиях классического рабовладения. Кризис классического рабовладения был в известной мере связан с происходящим под влиянием товарно-денежных отношений процессом концентрации земельной собственности. «Хозяйство, перешагнувшее за определенные размеры, не могло основываться на рабстве в его классической форме» (ВДИ, 1953, № 2, стр. 70).

Относительно распространения новых форм эксплуатации непосредственных производителей: рабства на пекулии, колоната, использования вольноотпущенников в качестве земельных держателей многие участники дискуссии высказали ту точку зрения, что в этих особенностях социально-экономического развития поздней империи проявилась тенденция к переходу от рабовладения к феодализму.

По мнению Е. М. Штаерман, к концу III в. старые, рабовладельческие формы хозяйства были побеждены новыми — феодальными, либо приближающимися к феодальным. Эти новые формы хозяйства она видит в латифундиях, основанных на применении труда колонов или посаженных на землю рабов. «... Виллы были связаны с рабским, а латифундии с крепостническим способом ведения хозяйства» (ВДИ, 1953, № 2, стр. 72). К той же точке зрения, в основном, примыкает и Е. Э. Липшиц.

Положение о феодальном характере крупных имений IV—V вв. может быть доказано только путем тщательного исследования форм собственности, лежавших в основе производственных отношений в таких имениях. Как известно, для феодальных производственных отношений характерно сочетание собственности феодалов с собственностью крестьянина на орудия производства и свое частное хозяйство. Между тем в статьях Е. М. Штаерман и Е. Э. Липшиц положение непосредственных производителей IV—V вв. с точки зрения отношений собственности исследовано совершенно недостаточно. Поэтому их вывод о феодальном характере производственных отношений этого времени никак не может быть признан обоснованным, ибо он остается фактически без должной аргументации.

Изучение положения различных категорий непосредственных производителей, проведенное в статьях А. Р. Корсунского, А. Г. Гемпа и некоторых других, показало, что в период поздней империи еще в значительной мере продолжали действовать нормы рабовладельческого общества, лишавшие непосредственных производителей каких-либо прав собственности на орудия труда и продукты их хозяйств. В то же время нельзя говорить для этого периода о полном слиянии рабов и колонов в единый социальный слой зависимых земледельцев (Е. М. Штаерман, ВДИ, 1953, № 2, стр. 73). Положение рабов на пекулии значительно отличалось от положения колонов, и в то же время продолжало широко применяться рабство в его классической форме.

Попытку выяснить, в каком направлении изменялось положение непосредственных производителей в период поздней империи, представляет собой статья А. П. Каждана. Справедливо выдвигая на первый план экономическую сторону процесса генезиса феодализма, он приходит к выводу, что основной тенденцией исторического развития в этот период становится «укрепление мелкого самостоятельного хозяйства» (ВДИ, 1953, № 3, стр. 104). Этот вывод обоснован, как следует из статьи, главным образом двумя соображениями: во-первых, значительной ролью в различных провинциях империи мелкого землевладения и, во-вторых, тем, что, по мнению автора, в этот период происходило укрепление прав колонов на свое хозяйство.

Аргументация А. П. Каждана представляется недостаточно убедительной. Факт наличия мелкого землевладения может доказать лишь то, что оно сохраняло известные позиции в поздней империи, но не подтвердить тезис об его укреплении. Выводы автора о развитии колоната в западных провинциях основаны на случайных выдержках из источников. Так, укрепление владельческих прав колонов в Италии доказывается лишь тем фактом, что Симмах прибегал к помощи государственной власти для сбора ренты; для Африки тот же тезис подтверждается ссылками на данные II в. и времени варварского завоевания V в., но не источниками периода поздней империи. Данные, приводимые А. П. Кажданом для характеристики положения колонов восточных провинций, убедительны лишь в отношении сельских общинников, сидевших на государственной земле, но мало что говорят о положении колонов частных имений.

Выступая против тезиса о концентрации земельной собственности в период поздней империи, А. П. Каждан не учитывает многочисленных дан-

ных кодексов, свидетельствующих о росте крупных имений за счет мелкого и среднего городского землевладения. Совершенно недостаточно использует он и сравнительно богатые данные юридических источников и церковной литературы (например, Августина) о позднем римском колонате. Его соображение об исторической неизбежности в исследуемый период укрепления самостоятельных мелких хозяйств представляется правильным, однако автор не учитывает, что этой тенденции препятствовала растущая зависимость таких хозяйств от крупного землевладения. А. П. Каждан справедливо указывает на сопротивление господствующего класса «новым прогрессивным тенденциям в развитии общества» (ВДИ, 1953, № 3, стр. 105), однако из его статьи остается неясным, каким образом могло укрепиться мелкое крестьянское хозяйство, несмотря на это сопротивление и при наличии реакционной рабовладельческой политической надстройки.

Подводя итог обсуждению вопроса о положении непосредственных производителей поздней империи, можно заключить, что рабовладельческие отношения продолжали в этот период играть значительную роль в римском обществе. Посаженные на землю рабы не обладали никакими правами собственности на орудия производства и свое личное хозяйство; в значительной мере это положение распространялось и на колонов. Не приходится в то же время отрицать, что сам факт широкого распространения колоната и перевода рабов на пекулий означал тенденцию к смене рабовладельческих производственных отношений феодальными, начало развития феодальных отношений. В этой связи вызывает возражение точка зрения М. Я. Сюзюмова, что вызревание феодализма началось лишь после варварского завоевания (ВДИ, 1955, № 1, стр. 65). Нельзя, как это делает М. Я. Сюзюмов, отрывать разложение и гибель рабовладельческого строя от генезиса феодальных производственных отношений. Кстати сказать, сам автор неоднократно говорит о «новых производственных отношениях» в римском обществе, об использовании этих отношений господствующим классом, что находится в определенном противоречии с его тезисом об отсутствии элементов феодализма в поздней Римской империи.

В статье М. Я. Сюзюмова фактически смешаны два разных вопроса: вопрос об экономических процессах, протекавших в недрах рабовладельческого строя, и о роли политико-правовой надстройки римского общества. Если в статье А. П. Каждана имеет место недооценка юридических источников, то М. Я. Сюзюмов, наоборот, склонен судить о состоянии производственных отношений только на основании памятников права. Нельзя не возразить против положения М. Я. Сюзюмова, что «состояние раба не столько определялось его ролью в хозяйстве, сколько принадлежностью к сословию, его юридическим местом в обществе» (ВДИ, 1955, № 1, стр. 56). Хотя в рабовладельческом обществе, как и в феодальном, классовые различия закреплялись сословным делением, классовая принадлежность той или другой социальной группы определяется, разумеется, не юридическими моментами, но прежде всего ее местом в системе общественного производства.

Факты, приведенные в статье М. Я. Сюзюмова, бесспорно, свидетельствуют о том, что политико-правовая надстройка поздней империи стремилась упрочить рабовладельческие имущественные отношения. Отсюда, однако, еще не следует, что развитие новых производственных отношений не могло происходить вопреки нормам официального права. Очевидно, выработать объективное научное представление о социально-экономическом строе позднеримского общества можно только при условии глубокого изучения борьбы возникающих феодальных отношений с со-

противляющимися им силами рабовладельческого строя. Дискуссия, проводившаяся на страницах ВДИ, показала, что советскими учеными сделано еще далеко не все для такого диалектического и всестороннего исследования социально-экономической истории поздней Римской империи.

Одним из наименее освещенных в ходе дискуссии оказался вопрос о степени и формах вызревания феодальных производственных отношений в недрах рабовладельческого строя. Если роль и влияние рабовладельческих норм и имущественных отношений были исследованы в ряде статей с большой обстоятельностью, то неоднократно высказанная мысль о развитии феодальных элементов не сопровождалась, как правило, столь же детальным анализом этих элементов. Какие же явления, характерные для социально-экономического строя поздней империи, можно считать предпосылками становления феодализма?

К числу таких явлений, очевидно, прежде всего следует отнести колонат. Широкое распространение форм эксплуатации непосредственных производителей, наделенных средствами производства и обладающих некоторой хозяйственной самостоятельностью, несомненно, было шагом вперед по пути перехода от рабовладельческого хозяйства к феодальному. Вместе с тем нельзя согласиться с той точкой зрения, что позднеримский колонат и, тем более, рабство на пекулии якобы были формами уже сложившихся феодальных производственных отношений (см. статью Е. Э. Липшиц, ВДИ, 1955, № 4). Итоги дискуссии говорят о том, что на данном этапе исследования этих важнейших явлений социально-экономической жизни поздней империи мы можем оценивать их лишь как проявление тенденции к смене рабовладельческих отношений феодальными.

В ряде статей, опубликованных в ходе дискуссии, приводились данные, которые показывают, что положение позднеримского колона весьма существенно отличалось от положения средневекового феодально-зависимого крестьянина. В условиях поздней Римской империи действовали факторы, серьезно препятствовавшие развитию собственности непосредственных производителей на орудия производства и личное хозяйство — основы их заинтересованности в труде. К числу этих факторов следует отнести действие правовых норм рабовладельческого общества, лишавших рабов на пекулии и колонов каких-либо прав собственности, а также ту жестокую налоговую эксплуатацию, которую испытывало производительное население империи со стороны рабовладельческого государства (см. статью А. Р. Курсунского, ВДИ, 1954, № 2, стр. 68).

Отмечая значительное влияние указанных факторов на положение непосредственных производителей поздней империи, необходимо в то же время подчеркнуть, что этот вывод все же не содержит полного решения вопроса о степени развития собственности позднеримских колонов на орудия труда и личное хозяйство. Следует учитывать, что сословие колонов в период поздней империи не было вполне однородным: существовало несколько категорий колонов, различия между которыми изучены еще недостаточно. Еще большее значение, чем юридические различия, имели различия фактические, складывавшиеся вне зависимости от официального права. Те исследователи, которые опираются при изучении колоната главным образом на наиболее общие и абстрактные правовые нормы, выработанные римскими юристами, правильно подмечают основную тенденцию имперского законодательства, но неизбежно упрощают сложную и противоречивую картину колонатных отношений. Можно вполне согласиться с мыслью А. П. Каждана, что «термин *colonus* охватывал различные понятия, что законодательство, исходящее из единообразного понимания колоната на всей территории империи, осуществляло насилие

над реальной действительностью» (ВДИ, 1953, № 3, стр. 96). Фактические различия между отдельными группами непосредственных производителей определялись не только официальной юридической терминологией, но и реальным положением в различного рода хозяйствах. Вряд ли могло быть, например, одинаковым материальное положение колонов среднего городского землевладельца, обремененного государственными и муниципальными повинностями, и колонов крупного земельного магната, фактически независимого от фиска и предоставляющего патронию сельскому населению.

Вопросы, поднятые в ходе дискуссии, могут быть изучены достаточно полно только путем всестороннего привлечения литературных и папирологических источников, данных эпиграфики и археологии. Такая работа, проведенная пока еще в недостаточной мере, поможет во многом исправить и дополнить данные кодексов. В то же время она позволит создать более четкое представление о всем многообразии аграрных отношений поздней Римской империи и таким образом ближе подойти к пониманию различных путей генезиса феодальных отношений.

Для решения проблемы перехода от рабовладения к феодализму первоочередное значение имеет изучение эволюции различных форм земельной собственности, их соотношения и роли в экономике поздней империи. Только такое изучение позволит подойти к выяснению важнейшей стороны данной проблемы — вопроса о генезисе феодальной земельной собственности. Этот вопрос был поднят в статье Е. М. Штаерман, но, к сожалению, не подвергся в дальнейшем широкому обсуждению. Е. М. Штаерман видит развивающуюся феодальную собственность в так называемом экзимированном землевладении, противопоставляя его муниципальному землевладению; последнее представляло, по ее мнению, рабовладельческую собственность. Существенный недостаток этой концепции состоит в том, что она фактически отождествляет муниципальную собственность с рабовладельческими производственными отношениями, а экзимированное землевладение — с феодальными. Ее положение, что куриал обязательно эксплуатировал рабов, а экзимированный землевладелец — колонов (ВДИ, 1953, № 2, стр. 58—59), вряд ли может быть доказано данными источников. Формы перехода от рабовладения к феодализму были, разумеется, более сложными, чем простое выделение крупных имений из городской земли.

Вместе с тем можно вполне согласиться с автором в том отношении, что античная городская земельная собственность являлась тормозящим фактором на пути развития феодализма. Е. М. Штаерман справедливо видит в крупных экзимированных землевладельцах представителей «более развитой частной собственности», доказывая, что их собственность в отношении земли была менее ограничена, чем собственность куриалов. Становление свободно отчуждаемой земельной собственности было необходимым шагом в процессе концентрации земли и создания крупного феодального землевладения. «С того момента, как возник аллод, — писал Энгельс, — свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупного землевладения стало лишь вопросом времени»¹.

Характерное для IV—V вв. широкое развитие экзимированного частного землевладения приводило к ослаблению позиций городской земельной собственности в ряде районов империи. Серьезные различия в экономическом и политическом положении между привилегированным сенаторским сословием и обремененными тяжелыми повинностями куриалами бла-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392.

гоприятствовали расширению экзимирированных владений за счет имений муниципальных землевладельцев. Процесс концентрации земельной собственности, связанный с распространением экзимирированного землевладения, приводил к выделению слоя могущественных земельных магнатов. Эти магнаты, нередко опиравшиеся на вооруженную силу своих частных военных отрядов, в некоторых случаях добивались фактической независимости от центральной императорской власти. Несмотря на немногочисленность этого слоя, его возникновение представляло собой новое важное явление в социально-экономическом строе империи, поскольку в имениях таких магнатов, в которых можно видеть прообраз будущих феодальных поместий, создавались основные предпосылки, необходимые для развития феодальных производственных отношений.

Фактическая независимость от фиска позволяла могущественным земельным собственникам организовывать эксплуатацию непосредственных производителей в своих имениях в таких размерах, какие они считали выгодными для своих хозяйств. Поскольку на размеры эксплуатации работников таких имений уже не оказывали влияния требования фиска, но они определялись лишь экономическими интересами собственника земли, здесь создавались более благоприятные условия для развития личного крестьянского хозяйства и заинтересованности работника в своем труде. Анализируя причины «самостоятельного развития имущества» крепостных крестьян, Маркс писал, что «урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола»¹. Эмансипация от произвольной, не соответствующей экономической целесообразности эксплуатации непосредственных производителей скорее всего могла быть достигнута в условиях поздней империи в крупных, фактически свободных от фискальных поборов имениях земельных магнатов. В то же время в таких имениях было больше возможностей для развития личной крепостной зависимости крестьянина от земельного собственника, отличавшейся от того прикрепления колонов к земле, которое в значительной мере было связано с фискальными интересами римского государства и далеко не всегда соответствовало реальному соотношению сил между посессором и его колонами.

Не следует, однако, преувеличивать масштабы развития магнатского землевладения в IV—V вв. Вряд ли можно вслед за Е. М. Штаерман причислять всех экзимирированных землевладельцев поздней империи к земельным магнатам (см. ВДИ, 1953, № 2, стр. 62). Сенаторское сословие этого периода объединяло экономически неоднородные группы земельных собственников, различавшиеся как по размерам их владений, так и по их структуре и способам эксплуатации. Наряду с сенаторами, чьи поместья занимали обширные замкнутые территории, было много таких, которые владели большим или меньшим количеством сравнительно небольших имений, рассеянных по различным провинциям (ср. статью А. П. Каждана, ВДИ, 1953, № 3, стр. 90). Налоги, которые платило большинство сенаторов, были сравнительно высоки и значительно увеличивали степень эксплуатации рабов и колонов в их имениях.

Нельзя также согласиться с тезисом Е. М. Штаерман о полном упадке городов в период домината, об «окончательном торжестве» частной собственности над общественной, которое она относит ко времени Константина (ВДИ, 1953, № 2, стр. 70 и 77). Во многих провинциях (например, в Проконсульской Африке, Бизацене, в ряде восточных провинций) муниципаль-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1949, стр. 806.

ципальная земельная собственность сохраняла в период поздней империи ведущую роль, несмотря на рост экзимирированного частного землевладения. Этому во многом способствовала политика позднеримского государства, ставившего своей целью воспрепятствовать распаду курий и упадку городской жизни.

Следует, наконец, указать и на то, что даже в наиболее крупных поместьях IV—V вв. еще далеко не были изжиты рабовладельческие производственные отношения (см., например, данные жития Мелании Новой, в поместьях которой трудилось тысячи рабов; ср. статью А. П. Каждана, ВДИ, 1953, № 3, стр. 85).

Научные итоги дискуссии показали односторонность точек зрения тех исследователей, которые рассматривают общество поздней империи либо как общество феодальное (Е. Э. Липшиц), либо как общество исключительно рабовладельческое, не содержащее никаких элементов развивающегося феодализма (М. Я. Сюзюмов). Развитие элементов феодальных производственных отношений происходило в различных формах, но оно наталкивалось на всё еще сильное сопротивление рабовладельческой собственности, проявлявшееся во многих сторонах социально-экономического строя поздней империи. Позднеримское бюрократическое государство сохраняло свою рабовладельческую сущность и не соответствовало — ни по своей структуре, ни по всей своей политической линии, направленной на сохранение старых экономических отношений и социальных групп, — интересам развития феодальных производственных отношений.

Все эти соображения говорят против тезиса Е. М. Штаерман и Е. Э. Липшиц о гибели рабовладельческой формации к началу IV в. Можно согласиться с Е. М. Штаерман в том отношении, что со времени поздней империи начинается переходный период от рабовладения к феодализму, однако следует признать вполне справедливым соображение А. Г. Гемпа, что этот период нельзя отделять от рабовладельческой формации (ВДИ, 1954, № 4, стр. 76). В IV в. не произошло переворота в основах общественного и политического строя Римской империи. Развитие элементов феодальных производственных отношений в недрах рабовладельческого строя приняло в этот период довольно широкие размеры, однако рабовладельческая формация в целом продолжала существовать. Лишь при условии устранения рабовладельческой политической надстройки было возможно развитие и победа феодальных производственных отношений в масштабе всего общества.

В ходе дискуссии были выдвинуты некоторые общие положения, намекающие основные особенности социального переворота, связанного с гибелью Римской империи. К таким положениям относится вывод о прогрессивном влиянии борьбы трудящихся масс на процесс укрепления самостоятельного крестьянского хозяйства (см. статьи А. П. Каждана и М. Я. Сюзюмова). В статьях С. И. Ковалева и М. Я. Сюзюмова вскрыта важная особенность революционных событий, сокрушивших рабовладельческий строй, — отсутствие революционного класса-гегемона (ВДИ, 1954, № 3, стр. 42 и 1955, № 1, стр. 65), что наложило определенный отпечаток на результаты этих событий. Однако все еще остается в значительной мере неясной связь падения империи с кризисом рабовладельческого способа производства и развитием элементов феодализма. Недостаточно изучен вопрос о характере классовых противоречий и социальной сущности классовой борьбы периода поздней империи.

По мнению Е. М. Штаерман, государство Константина было органом власти феодализирующейся земельной знати, состоявшей из собственных экзимирированных латифундий. В период поздней империи идет борьба против пережитков рабовладения в политическом и социально-

экономическом строе. Решающей силой в этой борьбе являлись революционные движения масс и вторжения варваров. Новый господствующий класс использовал к своей выгоде результаты этих движений. До известных пределов он «оказывался в одном лагере со своим антагонистическим классом, пока борьба шла против рабовладельческого государства и рабовладельческого города...» (ВДИ, 1953, № 2, стр. 63 и 77—78).

Эти выводы представляются несколько поспешными и не соответствующими степени изученности социально-экономической истории поздней империи. Намеченная классовая структура римского общества: зависимое крестьянство, рабовладельцы-куриалы и феодализирующиеся крупные землевладельцы — выглядит несколько схематичной и не учитывает всей сложности процессов формирования новых классов в период перехода от рабовладения к феодализму. Выше говорилось об экономической неоднородности сенаторского сословия, не было единым и сословие муниципальных землевладельцев: привилегированной состоятельной городской знати противостояла масса разорявшихся под бременем податей рядовых куриалов.

Статья Е. М. Штаерман не дает достаточно четкого представления о социальной сущности позднеимперского государства. Автор считает его государством феодализирующейся земельной знати и вместе с тем далее указывает, что оно постепенно становилось бесполезным для правящего класса (ВДИ, 1953, № 2, стр. 78). В конечном счете из статьи остается неясным, какие социальные группы вели борьбу против государства поздней империи и на какие силы оно опиралось.

Господствующий класс поздней империи в целом, очевидно, не был ни феодальным, ни «феодализирующимся» классом. Несомненно, что все слои господствующего класса в той или иной мере были связаны с рабовладельческой собственностью и одинаково заинтересованы в подавлении движений эксплуатируемых масс. В то же время отдельные группы крупных земельных собственников были заинтересованы в устранении наиболее консервативных институтов рабовладельческого общества, вроде городской и государственной собственности на землю. Хотя некоторые слои господствующего класса открыто выступали против римского государства, большая его часть сохраняла лояльность либо занимала промежуточные, колеблющиеся позиции. Состав господствующего класса поздней Римской империи представляется, таким образом, столь же сложным, сколь сложным и противоречивым был ее экономический базис.

Недостаточно убедительным выглядит вывод Е. М. Штаерман о союзе — пусть даже и «до известных пределов» — между феодализирующейся земельной знатью и крестьянством. Ведь известные нам представители массовых крестьянских движений поздней империи — агонистики и багауды — вели борьбу не только с римским государством, но и с крупным землевладением.

Вряд ли можно оценивать эти движения только как антифеодальные, либо, как предлагает М. Я. Сюзюмов (ВДИ, 1955, № 1, стр. 52), только как антирабовладельческие. Народные массы Римской империи в тот период боролись прежде всего против рабовладельческой собственности и рабовладельческого государства, но вместе с тем они выступали и против зарождавшихся в недрах рабовладельческого общества форм феодальной эксплуатации трудового населения.

Пробелы в научном понимании классовой структуры и социально-политической борьбы IV—V вв., во многом объясняются слабой разработанностью данных проблем в марксистской историографии.

Это хорошо показал весь ход дискуссии, в которой вопросы классово-

вой структуры и социально-политической борьбы периода поздней империи не получили надлежащего освещения.

Итоги дискуссии, проводившейся на страницах ВДИ, свидетельствуют о необходимости дальнейшего всестороннего изучения вопросов социально-экономической истории и классовой борьбы в период кризиса и падения рабовладельческого строя. Несомненно, что благодаря разнообразию конкретных социально-экономических условий, сложившихся в различных районах Римской империи, процесс разложения рабовладельческого способа производства и развития феодальных отношений проходил в различных провинциях не одинаково, обладал в каждой из них своими специфическими особенностями. Решение многих важных проблем перехода от рабовладения к феодализму затруднено из-за недостатка конкретных исследований по экономике и общественной жизни различных районов Римской империи. Все еще недостаточно ясны специфика и время перехода к феодализму в Византии (мнение Е. Э. Липшиц о наличии в Византии IV в. феодальной формации нельзя признать достаточно аргументированным данными источников), слабо изучены особенности социально-экономического строя отдельных провинций Западной империи. Сложную проблему генезиса феодализма невозможно решить без тщательного исследования социально-экономического развития отдельных районов римского мира.

Дискуссия показала, что необходимо расширить исследование положения различных социальных групп в системе позднеримского государства, изучить социальную природу антиимперских движений IV—V вв. Только такое исследование позволит понять специфику государства поздней империи и характер его социальной базы. Изучение всех этих вопросов представляется необходимым звеном в решении сложной проблемы падения рабовладельческого строя.

Необходимо шире развернуть конкретные исследования по социально-экономической истории и истории классовой борьбы периода поздней империи. Процесс генезиса феодальных производственных отношений не может быть изучен в достаточной мере и без исследования тех обществ, которые возникли на развалинах Римской империи в результате варварского завоевания. По этим вопросам в ходе дискуссии была опубликована только одна статья — Э. В. Удальцовой. Между тем роль варварского завоевания в гибели рабовладельческого строя и становлении феодализма изучена в нашей литературе недостаточно. Само варварское завоевание не было, как известно, единовременным актом и состояло из целого ряда последовательных вторжений и расселений различных племен и народов на территории бывших римских провинций. В советской науке еще недостаточно изучен вопрос о той роли, которую играли пережитки рабовладельческих производственных отношений в варварских государствах, образовавшихся на развалинах Западной Римской империи. У нас еще нет достаточно ясного представления о процессе складывания новых социально-экономических и политических условий, в результате воздействия которых феодальные производственные отношения получили полный простор для своего развития. Необходимо продолжить сотрудничество, начало которому положила дискуссия между историками — античниками и медиевистами — в изучении процесса, генезиса феодального способа производства на всем его протяжении. Задачей исследователей является выяснение особенностей этого процесса в различные периоды и в различных странах, изучение социально-экономических последствий каждого конкретного этапа варварских завоеваний и их взаимодействия с «римскими» элементами феодализма. Необходимо публиковать больше статей по ранней истории варварских народов и истории варварских государств V и последующих веков, привле-

кая к этому делу историков-медиевистов. Назревшим вопросом в работе по изучению закономерностей падения рабовладельческого строя и генезиса феодализма является исследование специфических особенностей этого процесса в тех странах, где сами рабовладельческие производственные отношения развивались в иных формах, чем в Римской империи. Следует более широко освещать на страницах исторических журналов малоизученные вопросы перехода от рабовладения к феодализму в странах Среднего и Дальнего Востока.

Таковы некоторые насущные задачи советской исторической науки в деле дальнейшей разработки проблемы падения рабовладельческого строя и перехода к феодальной общественно-экономической формации.

